

Статья поступила в редакцию 29.03.07

Эндрю Делбанко

СКАНДАЛЫ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ¹

Книги, обсуждаемые в этой статье:

1. **Equity and Excellence in American Higher Education** by William G. Bowen, Martin A. Kurzweil, and Eugene M. Tobin, in collaboration with Susanne C. Pichler. University of Virginia Press, 453 pp.
2. **The Price of Admission: How America's Ruling Class Buys Its Way into Elite Colleges — and Who Gets Left Outside the Gates** by Daniel Golden. Crown, 323 pp.
3. **The Trouble with Diversity: How We Learned to Love Identity and Ignore Inequality** by Walter Benn Michaels. Metropolitan, 241 pp.
4. **Excellence Without a Soul: How a Great University Forgot Education** by Harry R. Lewis. Public Affairs, 305 pp.
5. **Our Underachieving Colleges: A Candid Look at How Much Students Learn and Why They Should Be Learning More** by Derek Bok. Princeton University Press, 413 pp.
6. **Powers of the Mind: The Reinvention of Liberal Learning in America** by Donald N. Levine. University of Chicago Press, 299 pp.

1.

Во вторник, перед последним Днем благодарения, The Harvard Crimson опубликовал гневную статью студента-второкурсника, специализирующегося на экономике. Он выступил за отмену занятий на всю Неделю благодарения. Поскольку немногие студенты любят оставаться в кампусе после уикенда перед праздником, писал он, Гарвард должен был последовать примеру Йеля и прекратить свою недружественную «антисемейную» политику (проявившуюся в том, что среда осталась учебным днем). Ему не пришло в голову, что поездка домой незадолго до следующей поездки, когда придется снова покинуть кампус на рождественские каникулы, может вызвать у некоторых его товарищей финансовые затруднения[1].

Однако факты на его стороне. Девяносто процентов студентов Гарварда происходят из семей, в которых заработок превышает средние показатели по стране (\$55 000 в год), и в том же Crimson не-

¹ Delbanco Andrew. Scandals of Higher Education // The New York Review of Books. 2007. V. 54. No. 5 (пер. с англ. И. Фридмана).

сколько месяцев тому назад было процитировано заявление главы гарвардской приемной комиссии, в котором говорилось, что «средний доход» семей гарвардских студентов колеблется между \$110 000 и \$200 000. Для этих студентов и, конечно, для их еще более богатых сокурсников слетать лишний раз домой — не проблема; они могут даже позволить себе прошвырнуться на Канкан или Барбадос.

Вряд ли кого-нибудь удивит, что многие отпрыски богатых семей поступают в самые богатые американские колледжи. Так было всегда. Но сегодняшние студенты в среднем богаче своих предшественников. Между серединой 1970-х и серединой 1990-х годов в 11 престижных колледжах процент студентов из семей, входящих в нижний квартиль по величине доходов, оставался примерно одинаковым — около 10%. За тот же период времени процент студентов из семей, входящих в верхний квартиль, стремительно возрос — от трети до половины. Если первоклассные магазины и рестораны возле кампуса могут считаться показателем, то эта тенденция продолжалась, если не ускорялась. А если расширить выборку, включив в нее лучшие 150 колледжей, доля студентов, входящих в нижний квартиль, упадет до 3% [2]. Короче говоря, в лучших американских колледжах учатся очень мало бедных студентов; там учатся студенты из богатых семей, и со временем их доля только растет.

Может показаться, что эти данные не согласуются с декларируемой политикой Лиги плюща и других элитных колледжей, основанной на благородном принципе «слепого отбора» соискателей для приема в вузы. Следовать принципу «слепого отбора» — значит не принимать во внимание способность кандидата оплачивать свое образование при принятии решения о его допуске к конкурсу. Провозглашение этих принципов обычно сопровождается заверениями в том, что тем принятым студентам, которые не могут себе позволить оплачивать образование по полной стоимости (эта сумма составляет на сегодняшний день в колледжах Лиги плюща около \$45 000), будут предоставлены недостающие средства, но следует иметь в виду, что это дорогостоящая политика. Ее проведение зависит от системы оплаты со скидкой (*system of discount pricing*), согласно которой студенты, оплачивающие образование по полной стоимости, субсидируют тех, кто не может платить; эта система требует больших институциональных инвестиций, чтобы поддержать фонд обучения.

Эта благородная стратегия — остаточная форма перераспределительного либерализма в обществе, по большей части враждебном либерализму. И все же на практике «слепой отбор» — не более чем лозунг, за которым мало что стоит, кроме необходимости обеспечить наплыв соискателей. Если большинство кандидатов приезжает из таких мест, как Greenwich или Grosse Point, колледж может себе позволить «слепой отбор», не рискуя разориться на поддержке малоимущих студентов.

Чем объясняется тот факт, что в лучших американских колледжах очень мало студентов из семей с низкими доходами? Короткий ответ таков: потому что мало кто из них подает заявления на участие в кон-

курсе. Как пишут Уильям Боуэн, Мартин Курцвайль и Юджин Тобин в своей книге «Равенство и превосходство в американском высшем образовании» (*Equity and Excellence in American Higher Education*), студенты из семей с низкими доходами проявляют тенденцию еще в школе плестись в хвосте по таким параметрам, как «когнитивные навыки, мотивация, уровень ожиданий... и практические знания о процедуре приема в вузы» [3]. Большинство из них теряет надежду поступить в престижный колледж задолго до формального начала конкурса.

Причины и последствия этих удручающих явлений довольно сложны, а моральные и материальные потери, которые несет от них общество, достаточно высоки. Моральные потери обозначаются в разрыве между провозглашаемым идеалом равных возможностей и реальностью, состоящей в увеличении неравенства. Что касается материальных потерь, то, как пишут Боуэн и его коллеги, «никогда не было причин верить, что все одаренные соискатели будут иметь возможность оплачивать полную стоимость обучения (плюс пошлины) без посторонней помощи, а общество в целом заинтересовано, чтобы все таланты, которые в нем рождаются, получили хорошее образование, тем более что для этого есть все необходимые ресурсы».

Наши богатейшие колледжи могут и должны добиться того, чтобы в них училось как можно больше способных студентов из бедных семей, что потребует дополнительных затрат на их поиски и поддержку. Они могли бы сэкономить, отказавшись от комнат отдыха в библиотеках и предметов роскоши в дортуарах — словом, от тех сторон университетской жизни, которые призваны ублажать избалованных студентов, привлекая в колледжи все больше людей из определенных кругов. Они могли бы потребовать, чтобы преподавательский состав пошел на некоторые жертвы, и не так щедро оплачивать работу тренеров и администраторов. И они могли бы использовать опыт охоты на спортсменов по всей стране, для чего следовало бы нанять больше профессионалов по приему в вузы и поручить им поиски талантов в центральных кварталах городов и в сельских школах.

Между тем в дело вмешались частные филантропические инициативы, такие, как Учебная программа *New York Times*: работники подобных фондов находят учеников средней школы, «проявивших способности и прилежание, свидетельствующие о том, что они могли бы достичь высот в самореализации», обеспечивают их репетиторством и наставничеством, помогают подработать летом и ознакомиться с процедурой приема в вузы. Некоторые хорошо финансируемые или исполненные добрых намерений университеты — среди них *Amherst*, *Harvard*, *University of North Carolina*, *University of Virginia* и в последнее время *Princeton* — также пошли по пути восстановления некоторого равенства при поступлении в вузы [4]. Молодой президент *Amherst College* Энтони Маркс проявляет наиболее заметные усилия по организации «агрессивного рекрутирования» талантливых учеников из школ, расположенных в бедных кварталах; кроме того, *Amherst* производит трансфер студентов, выискивая таланты в местных государственных колледжах [5]. Другие колледжи отменили про-

граммы раннего зачисления кандидатов, которые работали в пользу абитуриентов из частных и богатых пригородных школ, в то время как другие вузы заменили ссуды грантами для студентов из семей с самыми низкими доходами[6]. Боуэн, бывший президент Принстона, выступает за то, чтобы лучшие вузы «подправили весы» (put a thumb on the scale), дабы открыто предоставить льготы кандидатам из экономически обездоленных слоев населения, т.е. тем абитуриентам, которые уже преодолели имеющее долгую историю неравенство, «попав в число внушающих доверие соискателей»[7]. По сути дела он призывает ввести вузовскую программу аффирмативных действий для бедных.

2.

Хотя эти предложения обсуждаются президентами университетов и попечителями (по крайней мере люди надеются, что они это делают), в промежутке между академической риторикой и академической реальностью скапливается душок лицемерия. Сегодня американский университет принято описывать как форт Аламо левых интеллектуалов — последний бастион либерального сопротивления в обществе, где либерализм в значительной мере выкорчеван из политической и общественной жизни. Но насколько убедительны заверения в приверженности равенству и демократии, если они исходят от институтов, в которые нет доступа тем, у кого нет больших денег?

Этот вопрос поднимается в ряде недавно вышедших книг об университетах, написанных в остро критическом духе. Одна из них — книга Дэниэла Голдена «Цена поступления: Как американский правящий класс покупает право учиться в элитных колледжах и кто остается за воротами» (*The Price of Admission: How America's Ruling Class Buys Its Way into Elite Colleges — and Who Gets Left Outside the Gates*) — самая гневная[8]. В ней находит яркое подтверждение тезис Боуэна о том, что «вера в демократическую законность подрывается, если люди считают, что богатые поступают в элитные колледжи и университеты независимо от уровня их подготовки, в то время как способные и достойные кандидаты из менее обеспеченных слоев населения отвергаются».

Именно это и утверждает Голден, пишущий о проблемах образования для *The Wall Street Journal*. По его мнению, душок лицемерия уже превратился в настоящее зловоние. Голден считает, что двери элитных университетов широко открыты для всех богатых без исключения — за счет того, что эти же двери закрываются перед талантливыми, перспективными кандидатами, так что процедура зачисления по сути дела осуществляет программу «аффирмативных действий для белых и богатых».

Чтобы доказать эту мысль, Голден собрал целую антологию отвратительных историй, призванных продемонстрировать, как богатые прогибают систему под себя, дабы добиться того, что им нужно. Все это напоминает мне историю, которую я слышал от заслуживающего доверия человека. В частной школе New York City

состоялась встреча старшеклассников с консультантом по поступлению в колледж. Консультант, пытаясь помочь ученикам подготовиться к собеседованию в колледже, спросил, что они ответят на вопрос: «Какой вклад вы можете внести в жизнь нашего института?» «Я очень коммуникабельный», — ответил один. «Я готов заниматься общественной работой», — сказал другой. Разговор принял неожиданный оборот, когда один молодой человек ответил одним словом: «Библиотеку». «Что вы имеете в виду, когда говорите о библиотеке?» — спросил немного обескураженный консультант. «Ну, мой отец сказал, что подарит библиотеку тому институту, в который я надумаю поступить». Словом, книга Голдена обвиняет элитные колледжи в том, что все они пляшут под дудку такого отца.

Голден называет эти институты поименно. Duke University выглядит в этом плане особенно неприглядно, за ним следуют Brown, Harvard и другие члены Лиги плюща. Он называет также «любимчиков» этих вузов: это знаменитости, политики, банкиры, занимающиеся инвестициями, капиталисты-предприниматели, проявляющие щедрость по отношению к своей alma mater; все они, согласно Голдену, получают взамен режим наибольшего благоприятствования для своих детей или даже для детей их друзей. Некоторые случаи представляются вопиющими — вплоть до того, что из отдела развития института поступает в приемную комиссию команда принять кандидата с заведомо слабым уровнем подготовки.

Однако на подобные команды часто отвечают отказом, и хотя случается, что работники приемных комиссий поддаются давлению, правда и то, что частные колледжи испытывают законный интерес к обеспечению донорской базы в виде верных своей alma mater выпускников: именно такая база дает возможность создать фонд, который, помимо всего прочего, оказывает финансовую помощь нуждающимся студентам. Ввиду бурного притока соискателей в престижные вузы (свыше 20 000 заявлений — это теперь уже не исключительный случай) сейчас сыну/дочери выпускника или выходцу из привилегированной семьи поступить в институт труднее, чем когда-либо раньше.

Например, в 1960-е годы в Йель принималось две трети детей выпускников из тех, кто подал заявления. С тех пор этот показатель снизился более чем вдвое, и все престижные институты ведут сегодня острую конкурентную борьбу за одаренных и целеустремленных студентов[9]. Голден отмечает эту тенденцию, но вскользь, упоминая большие конкурсы по показателям тестов и возросшую подготовку многих старшеклассников, поступающих в такие колледжи, как Йель. В свете такого рода информации приводимые Голденом примеры оказания давления выглядят аномальными. Вместо того чтобы доказать, что «элиты поднаторели в искусстве упрочения неравенства», автор на самом деле продемонстрировал, насколько труднее стало сегодня семьям со старыми институтскими связями, даже если они очень богаты, устраивать своих детей в колледжи, куда они когда-то поступали без особых усилий.

«Цена поступления» Голдена — это разоблачительно-нравоучительная история с откровенно выраженной моралью. Среди ее действующих лиц много злодеев и мало героев. Один из этих немногих — Калифорнийский институт технологии (California Institute of Technology — Caltech), который, по словам Голдена, «настойчивее других престижных американских университетов приближается к идеалу набора студентов по чисто академическим критериям»[10]. Caltech — прекрасный институт, и его стандарты отбора впечатляют своей прозрачностью и чистотой. Но его сосредоточенность на техническом «натаскивании» молодых ученых вряд ли может послужить образцом для институтов с более широкой миссией.

Как отмечает сам Голден, Caltech зачислил всего одного студента-афроамериканца на курс, который выпустит специалистов в 2008 г., и из всех студентов этого курса только 30% — женщины. Члены приемной комиссии Caltech, по их собственному признанию, с болью в сердце вынуждены отказывать кандидатам, обладающим страстью к знаниям и талантом, но закончившим не лучшие средние школы и не посещавшим подготовительные курсы, вследствие чего их тестовые показатели невысоки. Одна из целей создания более гибкой системы отбора — дать шанс абитуриентам с подобными «пробелами в знаниях», и хотя Caltech, может быть, не самое подходящее для них место, из этого не следует, что им должен быть закрыт доступ во все элитные институты.

Кроме того, если бы кандидаты, стремящиеся поступить в престижные вузы, зачислялись только на основе рейтинга школьных оценок и тестовых показателей, это как раз и привело бы к засилью студентов из богатых семей — против чего выступает Голден, ибо жесткая корреляция между результатами тестов и доходом семей хорошо документирована[11]. Голден прав в том, что существующая система отбора имеет серьезные недостатки, но если мы возьмемся исправлять их, придав тестовым показателям и рейтингам школьных аттестатов еще большее значение, чем они имеют теперь, то это приведет лишь к ухудшению ситуации.

3.

Уолтер Бенн Майклс, профессор английской литературы в University of Illinois, также разгневан, но он ищет и находит корень зла в другом месте. Майклс направляет свою ярость не столько на работу приемных комиссий или отделов развития вузов, сколько на всю культуру академии, которая, по его мнению, находится где-то в промежутке между безразличием и лицемерием по отношению к обостряющемуся классовому неравенству. «Бедные люди, — пишет он в книге «Горе от многообразия: Как мы научились любить идентичность и игнорировать неравенство» (*The Trouble with Diversity: How We Learned to Love Identity and Ignore Inequality*, — относятся к группе риска в элитных университетах не потому, что университеты отгораживаются от них при помощи квот, и даже не потому, что они не могут себе позволить там учиться (Гарвард

одолжит или даже подарит вам средства, необходимые для учебы), но потому, что они не могут туда поступить».

Это в общем-то верно, что подтверждают Боуэн и его коллеги. Вклад Майклса в обсуждение этой проблемы состоит в следующем: он утверждает, что многие академики-либералы, будучи не в силах совладать с неудобной правдой, обманывают себя и, возможно, непреднамеренно соучаствуют в обмане других.

Майклс имеет в виду, что придерживающиеся левых взглядов академики (которых он едко называет «предполагаемыми левыми») тратят всю свою энергию на борьбу с такими фантомами, как расизм и сексизм, т.е. с давно преодоленными видами зла, которые, по их мнению, продолжают существовать сегодня, по крайней мере в тех узких социальных слоях, из которых происходят студенты университетов. В результате вся их «прогрессивная политика» состоит в «осуждении неприглядных явлений, имевших место в незапамятные времена». Но Майклс не ограничивается осуждением «предполагаемых левых» за ностальгию по давно выигранным битвам. Он думает, что, избрав тактику затушевывания реальной проблемы — классового неравенства, — стоящей за дымом и шумом пиротехнических стычек по поводу «разнообразия», академические левые по существу превратились в соучастников политических правых в содействии богатым и усугублении тяжелого положения бедных: иными словами, они награждают богатых и наказывают бедных.

Майклс сыт по горло нескончаемой мантрой о разнообразии, и в этом ему трудно что-либо возразить. В прошлом единственным препятствием, мешавшим представителям меньшинств поступать в колледж, был откровенный расизм, т.е. мировоззрение, основанное на предполагаемом соответствии между внешними физическими свойствами (цветом кожи, чертами лица, типом телосложения) и внутренними ментальными характеристиками, способностями или тенденциями[12]. Сегодня, однако, этот вид псевдонауки дискредитирован, и слово «раса» все чаще употребляется как синоним слова «культура»: приравнивание, базирующееся на сомнительном или по крайней мере недоказанном предположении, что происхождение человека сообщает нам что-то важное относительно того, как он будет вести себя в этом мире. «Проблема с таким способом мышления, ставящим культуру на место расы, — говорит Майклс, — состоит в том, что при этом просто берется старая практика подведения людей под расовые стереотипы и возобновляется в форме подведения их под культурные стереотипы»[13]. Предполагается, что человек африканского происхождения непременно предпочтет блюз Брамсу. Люди азиатского происхождения объединяются в категорию «азиаамериканцев», хотя они сами могут идентифицировать себя прежде всего как, скажем, лаосцы или христиане. В любом случае считается, что они предпочтут инженерное дело поэзии.

Майклс утверждает: по сути дела, ничто не изменилось оттого, что дискредитировавшая себя идея расы была заменена идеей

культурных особенностей. Исходя как из прагматических, так и аналитических соображений, автор хочет, чтобы левые забыли об этом виде разнообразия, как бы его ни называли, расовым или культурным («разнообразие, как и подагра, — проблема богатых»), и вместо этого сосредоточили внимание на бедности. Сатирическое четверостишие (процитированное в другой недавней книге другого профессора английской литературы — Майкла Берубе из Pennsylvania State University) прекрасно иллюстрирует тезис Майклса. Это четверостишие, которое можно было бы назвать «Песней подлого богача», поют во многих элитных колледжах:

Простите за то, что мой народ сделал вашему народу,
Это была грязная работа.
Пожалуйста, отметьте изменение позиции

На бампере моего «Сааба» [14].

Отвлекаясь от вопроса о том, что означают выражения «мой народ» и «ваш народ» во времена, когда растет число американцев, приветствующих расовое многообразие, можно сделать вывод, что эта смесь вины и гордости — просто показуха, как и дорогая машина.

Наряду с расизмом другим отъявленным врагом академических левых является сексизм, что проявилось, например, в скандале, спровоцированном бывшим президентом Гарварда Лоренсом Саммерсом, поставившим вопрос о том, не обладают ли мужчины и женщины разными интеллектуальными способностями в области естественных наук. В глазах Майклса сексизм — такой же фантом, как и расизм, поскольку мы живем во времена, когда половина студентов в Лиге плюща, четыре президента университета (в число которых скоро можно будет включить преемницу Саммерса — выдающегося историка Дрю Гилпин Фауст) и все большее количество преподавателей — женщины. В изменившемся мире, который раньше напоминал мужской клуб, «феминизм — это то, к чему вы прибегаете, когда хотите заставить нас поверить, что женщины с Уолл-стрита и женщины с Уолл-Марта — в равной мере жертвы сексизма», пишет Майклс. На самом деле очень немногие из первых являются жертвами сексизма, а многие из последних — жертвы прежде всего бедности. Короче говоря, Майклс считает, что академические левые преднамеренно уклоняются от рассмотрения сути дела, а именно того, что главным препятствием на пути к обретению равных возможностей являются не расовые и не гендерные, а классовые различия.

Майклс прав, когда указывает на то, что в триумvirате социальных форм зла, часто фигурирующем в дискурсе академических левых, — раса, класс и гендер — среднее понятие практически выпало из обсуждения. Но задавшись целью вернуть его обратно, автор слишком быстро расправляется с двумя другими. Майклс пи-

шет, например, что «отсутствие семейных капиталов, а не цвет кожи приводит к диспропорциям и закрывает перед черными двери элитных колледжей». Это слишком упрощенное суждение. Оно упускает из виду ядовитость тонких и не всегда очевидных «остаточных явлений» расовой ненависти, проявляющихся не столько в политике институтов, сколько на уровне индивидуального опыта. Как ни трудно студентам из бедных семей приобщиться к привилегированной культуре элитных колледжей, тем, кому приходится преодолевать не только классовые, но и расовые барьеры, приходится еще труднее. Тем не менее Майклс настаивает, что «аффирмативные действия решают проблему, которая уже не существует». Боуэн думает иначе: он хочет, чтобы преференции, базирующиеся на классовом неравенстве, не заменили расовые преференции, а дополнили их [15].

Что же касается ненадлежащего обращения с женщинами и испытываемых ими притеснений на гендерной почве, то Майклс утверждает, что такие проблемы, как домашнее насилие, — это в большой степени (если не исключительно) проблемы бедных женщин. И здесь Майклс тоже упрощает ситуацию. Он не признает существования пережитков мужского доминирования в университетской жизни, но они существуют, особенно в некоторых естественнонаучных областях, где не торопятся принимать в свою среду и продвигать квалифицированных женщин. Он не принимает во внимание также и то обстоятельство, что необходимость заботиться о ребенке может воспрепятствовать профессиональной карьере женщины, даже если она богата [16].

И все же главный тезис Майклса остается правильным: кампусные либералы всегда предпочтут «мягкие» темы расовых и гендерных различий такой жесткой теме, как влияние на американские рабочие семьи дешевой иностранной рабочей силы или вопиющее неравенство в государственной школьной системе, финансируемой за счет местных налогоплательщиков, или, «ближе к дому», — неспособность их собственных институтов обеспечить поступление и поддержку талантливых студентов, не располагающих деньгами. Я встречал очень мало университетских преподавателей, которые, даже агитируя за широкую социальную справедливость, проявляли бы озабоченность по поводу несправедливостей, связанных с процедурой отбора студентов в их собственные институты [17].

Майклс написал жесткую полемическую книгу, которая поджигает масла в огонь дебатов о том, что на самом деле означает или должно означать понятие разнообразия и как его трактуют в университетах и за их стенами. Возможно, этот автор слишком криклив, ехиден и даже иногда неуравновешен. Но когда читаешь лучшие страницы его книги, вспоминаешь озлобление Ирвинга Хау по отношению к «ребячеству» новых левых, представлявших собой движение привилегированных детей, марширующих под знаменем революции, в то время как традиционные сторонники ста-

рых левых, — людей, борющихся против неравенства в надежде построить достойную жизнь для себя и своих детей, — наблюдают за их шествием со стороны.

4.

При всех различиях в тональности и «весовых категориях» авторов по части их авторитетности и Боуэн, и Голден, и Майклс согласны в том, что наши колледжи и университеты скорее плывут по течению, чем сопротивляются той общенациональной тенденции, которую можно охарактеризовать как увеличение неравенства между богатыми и бедными. Это сказывается не только на том, как вузы отбирают для себя студентов, но и на их внутренней структуре (в некоторых случаях президентские компенсации перешагнули порог миллиона долларов); в этом свете заслуживает внимания и тот факт, что лидирующие институты становятся все богаче по отношению к своим конкурентам (годовой доход Гарварда с \$30-миллиардных пожертвований превышает сегодня всю сумму пожертвований некоторых его конкурентов, входящих в ту же Лигу плюща).

Идеальный (возможно, лучше было бы употребить здесь слово «воображаемый») университет, в рамках представления о котором величайший президент Гарварда в XIX в. Чарльз У. Элиот сказал, что «роскошь и учение — плохие любовники», умирает, если уже не умер. Он уступил место расползающемуся, диффузному новому образованию, которое уже не может быть адекватно описано термином, придуманным президентом University of California Кларком Керром почти 50 лет назад: в одной из своих речей он назвал свой университет «мультиверситетом», охарактеризовав его как «совокупность отдельных факультетских антрепренеров, объединенных общими переживаниями относительно парковки»[18]. Теперь «мультиверситет» стал тем, что антрепренер-президент Arizona State University Майкл Кроу называет общеобразовательным предприятием, распоряжающимся знаниями (Comprehensive Knowledge Enterprise — СКЕ) — сетью корпораций, правительств и университетов, в которой местный кампус занимает все менее центральное место в плане исследовательской работы, консультирования и международного маркетинга — сфер деятельности, приносящих деньги и престиж. Для многих преподавателей парковка возле кампуса значит сегодня меньше, чем близость аэропорта.

Между тем в мире, а особенно в Китае, появляются все новые и новые университеты, и американские институты расширяются в фискальном и физическом отношении в надежде ответить тем самым на вызов времени. Этим занимаются все — от Гарварда (который приобрел 250 акров земли на другом берегу Charles River в Allston), Columbia (который покупает слабо заселенный район в северном Манхэттене) и крупных государственных университетов (обширный новый Centennial Campus строится сейчас в North Carolina State University) до относительно маленьких институтов, таких, как University of Rochester или University of California at Santa

Cruz, бывший некогда форпостом «постшестидесятичной» контркультуры (post-Sixties counterculture).

Даже в самых богатых институтах апробированные временем структуры либерального образования — маленькие классные комнаты для дискуссий, персональные наставники — разрыхляются, если не ликвидируются; тяготение к деньгам и известности влечет членов факультетов к научной работе и отталкивает от преподавания. Написанные авторами, у которых немного закружилась голова от всего этого роста и распространения, книги об отборе студентов в престижные колледжи справедливо делают акцент на вопросе о том, откуда и как эти институты набирают своих студентов. Но важно было бы задаться и другим вопросом: что происходит со студентами после поступления в университет независимо от того, откуда они там появились?

Кроме всего прочего, студенты, поступившие в хорошие, а особенно в самые престижные колледжи, испытывают чувство глубокого удовлетворения и законной гордости. (Майклс утверждает, что одно из последствий аффирмативных действий состоит в том, что они укрепляют в несостоявшихся студентах — главным образом белых и богатых — убеждение, «что их не приняли только потому, что они белые».) Бывший президент Гарварда Нил Руденштейн имел обыкновение приветствовать новичков словами о том, что какими бы недостойными и никчемными они ни ощущали себя в первые дни в колледже, университет выпустит их в жизнь гордыми, уверенными в себе и готовыми ко всему. И все же даже самые успешные соискатели могут впасть в депрессию под воздействием самого процесса участия в конкурсе, в свете которого годы, проведенные в старших классах школы, превращаются в лихорадочную гонку за престижем. Парадокс в том, что по мере того, как наши элитные колледжи отвергают все больше и больше одаренных студентов — демографический факт, который по необходимости оставляет многих талантливых студентов за воротами Лиги плюща, — лихорадка соперничества превращает поступление в приз, становящийся все более ценным, в связи с чем отвергнутые студенты чувствуют себя отпетыми неудачниками.

Трудно будет оздоровить эту систему и сделать ее более справедливой. Для начала неплохо было бы признать, что история изменения политики зачисления в колледж представляет собой яркую иллюстрацию «закона непредусмотренных последствий». Считается, что нынешняя система персональных сочинений, интервью и рекомендаций способствует обеспечению разнообразия темпераментов и интересов, а также расового и этнического разнообразия среди допущенных к конкурсу соискателей. Между тем эта система была разработана в начале XX в. с прямо противоположной целью: выявить соискателей, обладающих нежелательными свойствами, главным образом евреев, и ограничить для них доступ в университеты [19]. Пятьдесят лет назад, когда была введена система стандартизированного тестирования, она предназначалась для того, чтобы по-

кончить с засильем выходцев из привилегированных семей в элитных колледжах путем поиска талантов по всей стране в то трудное для нее время, когда приходилось противостоять советской угрозе. В соответствии с этим замыслом лучшие американские университеты претерпели трансформацию: они превратились из престижных высших школ для богатых в тренировочные школы для одаренных[20]. Сегодня же система стандартизированного тестирования стала инструментом, при помощи которого богатые обеспечивают себе преимущество, имея все возможности — дорогие частные школы, частных репетиторов, натаскивающих по SAT (Scholastic Assessment Test — Школьный оценочный тест, стандартизированная система оценки уровня подготовки выпускников школ высшей ступени), — для повышения тестовых показателей своих детей.

Трудно сказать, насколько серьезно обсуждаются эти исполненные иронии противоречия за закрытыми дверями, в узком кругу президентов и попечителей вузов (и обсуждаются ли они вообще). Голден, Майклс и даже Боуэн не могут просветить нас на этот счет. Единственным свидетельством того, что эти вопросы все же обсуждаются, может послужить постоянный поток книг, написанных университетскими президентами (или экс-президентами) и деканами. Среди них можно назвать недавно появившиеся сочинения нынешних и прежних президентов Duke, Yale, Princeton, Michigan, Wesleyan, Emory и других ведущих университетов. Как правило, такие книги представляют собой сборники переработанных речей; их авторы сдержанны и осторожны: они должны контролировать каждое свое слово, чтобы никого не обидеть и не расстроить — ни попечителей, ни выпускников, ни преподавателей, ни студентов, ни впечатлительную публику. Все должны остаться довольны[21].

В этих книгах почти ничего не говорится об отборе студентов, но здесь и там рассыпаны намеки на разногласия, за которыми угадывается бурление страстей. Например, Гарри Льюис, бывший декан Harvard College (он был уволен Лоренсом Саммерсом), расцвечивает свое повествование лирическими пассажами об университетских спортсменах, этих чудесных юношах, живущих бок о бок со своими наставниками «в славном параллельном универсуме, отстраненном от банальности обыденной жизни», в то время как Боуэн знакомит читателя с убийственными статистическими данными, свидетельствующими о снижении уровня обучения вследствие целенаправленного рекрутирования в вузы спортсменов, и приходит к следующему выводу: «Университетский спорт в существующей форме представляет серьезную угрозу для академических ценностей и уровня высшего образования»[22]. Уильям Чейс, бывший президент Wesleyan и Emory, опубликовал спор со своим бывшим «я» — статью в The New York Times, охарактеризованную автором как «честный разговор», который ему всегда хотелось провести с первокурсниками, да не хватало духу. Чейс пишет, например, что «более половины студентов, поступивших в престижные колледжи, государственные и частные, происходят из той

четверти населения страны, которая имеет высокие заработки. Назовите мне ZIP code (почтовый индекс, по которому можно судить о районе проживания), и я скажу вам, в какой колледж скорее всего поступит тот или иной выпускник школы»[23]

Самая содержательная из «президентских» книг — работа Дерека Бока «Наши неуспевающие колледжи: правдивый рассказ о том, сколько занимаются студенты и почему они должны заниматься больше» (*Our Underachieving Colleges: A Candid Look at How Much Students Learn and Why They Should Be Learning More*). Бок был президентом Гарвардского университета с 1971 по 1991 г., ныне он временно исполняющий обязанности президента того же Гарварда. Нарисованная Боком картина жизни колледжей создает ощущение если не полной дисфункциональности, то работы заведомо ниже своих возможностей. Автор ставит под сомнение согласованность курсов и необходимость выбора профилирующих дисциплин; поднимает вопрос о программах обучения за рубежом (как добиться того, чтобы такое обучение стало чем-то большим, нежели оздоровительная экскурсионная поездка); критикует преподавателей за безразличие к тому, почерпнет ли студент хоть какие-нибудь знания из их лекций; и, наконец, обвиняет преподавательский состав в целом в отсутствии интереса к вопросу об эффективности тех или иных методов обучения. Многие из его замечаний убедительны и своевременны, но когда он пытается объяснить, в чем должна состоять фундаментальная цель высшего образования, лучшее, что он может сделать, это повторить навязшую в зубах банальность: наша цель — развить в студентах навыки «критического мышления» (понятие, означающее, кажется, что-то вроде способности анализировать сложные проблемы). Против этой цели нечего возразить, но она носит отчетливо инструментальный характер и основывается на представлении о студентах как о роботах, предназначенных для решения накопившихся в обществе проблем.

5.

Ни в одной из этих книг, кем бы они ни были написаны — «внешними критиками» или администраторами-инсайдерами, — не находится места для разговора о внутренней жизни молодых людей, жаждущих интеллектуальных свершений и эстетических наслаждений, пытающихся решить старые проблемы в свете новых императивов. Если — на чем неустанно настаивают Боуэн, Голден и Майклс — у нас в стране действительно сложилась скандальная ситуация, при которой лишь немногие соискатели из обездоленных семей имеют возможность поступить в престижные колледжи, то стоило бы задуматься и над тем, что дают эти колледжи студентам. По словам Дональда Левайна, бывшего декана колледжа в University of Chicago, «скандальность ситуации в высшем образовании нашего времени состоит в том, что в институтах, призванных давать образование, уделяется так мало внимания тому, что именно дают студентам университетские преподаватели» (курсив Левайна).

В книге «Возможности разума: восстановление либерального обучения в Америке» (*Powers of the Mind: The Reinvention of Liberal Learning in America*) Левайн рассказал восхитительную историю дискуссий о программах обучения в University of Chicago, начавшихся со дня основания этого учебного заведения, более столетия назад. Это история о том, как серьезные преподаватели реагировали на изменения, происходившие в мире и в их академических дисциплинах, никогда не упуская из виду сверхзадачу — неизменную цель либерального образования, которую Левайн лаконично определяет как «культивирование человеческих возможностей». Для достижения этой цели требуется прежде всего признание того, что она бесконечна: ведь цель высшего образования, как сформулировал ее Дьюи, «в укреплении потребности в дальнейшем образовании путем организации способностей, обеспечивающих творческий рост». Исходя из этой цели необходимо, чтобы студент получил представление о прошлом и настоящем, т.е. узнал нечто существенное об истории, науке и современных обществах с тем, чтобы это знание помогло ему в будущем достойно ответить на непредвиденные вызовы времени. Надо, чтобы преподаватели и студенты совместно развивали (как рекомендует Бок) аналитические способности и методику разрешения проблем, но так же, как сказал великий гуманитарий из Чикагского университета Ричард Маккеон, изучали литературу и искусство, культивируя «навыки восприятия художественных, культурных и интеллектуальных ценностей, которые идут вразрез со случайными ассоциативными импульсами, часто выдающимися за восприятие». И надо, чтобы университет ясно сказал своим студентам, чего он от них ждет; что же касается профессоров, то университету остается только надеяться, что они будут уделять преподаванию не меньше внимания, чем исследовательской работе.

Левайн показывает, как University of Chicago, великий исследовательский центр, боролся за поддержание и активизацию этих высоких стандартов и целей. Он описывает, как члены различных факультетов совместными усилиями разрабатывали курсы по «большим проблемам», таким, как «Зло» или «Язык и глобализация». Он рассказывает о проведенном в University of Chicago краткосрочном эксперименте по присуждению степеней только в случае успешной сдачи трудных всеобъемлющих экзаменов, а не просто в результате накопления определенного количества часов по прослушанным курсам. И он описывает, как один знаменитый чикагский профессор, биолог Джозеф Шваб при ведении курса, связанного с философскими текстами, «воздерживался от спонтанных дискуссий, в ходе которых звучат, перепархивая от одного студента к другому, интонации, подчиняющиеся импульсам эксгибиционизма, возбуждения и стремления пустить пыль в глаза» в пользу «структурированного обсуждения», организованного таким образом, что «каждый студент, принимающий участие в разговоре, выкладывался по полной программе, мобилизовав все свои интеллектуальные и творческие возможности», прежде чем передать слово другому.

В современных университетах такой вид интимного и интенсивного образования находится под угрозой и уже стал большой редкостью. Один из выпускников Чикагского университета Ли Шульман, президент Фонда Карнеги в поддержку усовершенствования обучения (Carnegie Foundation for the Advancement of Teaching), вспоминает, что «присутствие на занятиях у Шваба не обходилось без липких, плотно сжатых ладоней и проступания пота на лбу; оно требовало постоянного, предельного напряжения». Сегодня студент с подобными симптомами скорее всего просто перестанет посещать такой курс из боязни получить плохие отметки, а преподаватель рискует получить плохие оценки со стороны студентов при проводящемся в конце семестра анкетировании[24]. Кроме того, если мы хотим, чтобы какая-нибудь программа «общего образования» принесла пользу, профессор должен проявить строгость не только к студентам, но и к самому себе: ему придется погрузиться в проблемы и тексты, с которыми он, быть может, имел дело в последний раз, когда сам был студентом, и к которым при иных обстоятельствах никогда бы не обратился.

К сожалению, большинство существующих стимулов и вознаграждений, особенно в престижных институтах, направлены против такого типа преподавания и обучения. Большие аудитории требуют гораздо больших затрат, чем маленькие классные комнаты. Впадающие во все более узкую специализацию профессора уделяют минимальное внимание общему образованию, занимаясь им не системно, а спорадически; кроме того, до сих пор не выработан консенсус относительно того, в чем оно должно заключаться, и в ближайшие годы общего согласия на этот счет не предвидится. Даже профессора, искренне озабоченные общим образованием студентов, избегают тратить на него много времени, потому что это может им только повредить в мире, где путь к продвижению по службе и повышению зарплаток пролегает через публикации и исследования. Талантливый студент, пускающийся в какое-то интеллектуальное предприятие, рискует быть вытесненным на обочину, поскольку идет жесткая конкуренция за преподавательские места в профессиональных школах, где все решает хороший диплом. Гарри Льюис, бывший декан Гарвардского университета, следующим образом резюмирует эту ситуацию: «Университеты внушают страх студентам, которые посещают колледж в надежде на достижение финансового успеха, и при этом не предоставляют учащимся никакой альтернативы, так как не предлагают ни последовательной точки зрения на университетское образование, ни наставничества, которое помогло бы им открыть для себя какие-то более высокие жизненные цели».

Конечно, можно только приветствовать тот факт, что книги Боуэна, Голдена и Майклса привлекают общественное внимание к вопросу о том, для кого существует наше образование. Но остается нерешенным фундаментальный вопрос о том, для чего оно существует и

из чего оно должно состоять. Чтобы объединить эти проблемы, следует задаться вопросом о том, насколько существующие колледжи руководствуются в своей работе нашими лучшими демократическими традициями, требующими, чтобы индивид оценивался не по признаку принадлежности к какой-то группе, но рассматривался независимо от своего происхождения, как суверенное существо, способное ответственно распорядиться своей свободой.

Если удастся добиться того, чтобы двери вузов распахнулись шире, это будет важным шагом на пути к означенной цели — необходимым, но ни в коей мере не достаточным. Колледжи начнут выполнять свои обязательства перед обществом только тогда, когда они возьмутся за решение вопроса о содержании обучения — того вопроса, который пытаются обойти администраторы, составители рейтинговых списков и большинство авторов книг о высшем образовании.

Примечания

[1] Adam A. Solomon, Give Us a Break: Harvard Students Should Not Have Class During Thanksgiving Week, *The Harvard Crimson*, November 21, 2006.

[2] Цифры взяты из: William G. Bowen, Martin A. Kurzweil, and Eugene M. Tobin, *Equity and Excellence in American Higher Education*. Одиннадцать институтов — это Barnard, Columbia, Oberlin, Penn State, Princeton, Smith, Swarthmore, the University of Pennsylvania, Wellesley, Williams и Yale. Когда выборка увеличилась и включила в себя «лучшие 146 колледжей», как сказано в *The Chronicle of Higher Education* (Karin Fischer, *Elite Colleges Lag in Serving the Needy*, May 12, 2006), эта цифра упала до 3%. Боуэн также сообщает, что только 3% студентов, учащихся в 19 отборных колледжах и лидирующих государственных университетах, происходят из семей с низкими доходами (p. 163).

[3] Душераздирающий рассказ о том, как дети из бедных семей смиряются со своей «отсталостью» уже на раннем этапе жизни, см. в: Betty Hart and Todd R. Risley, *The Early Catastrophe: The 30 Million Word Gap by Age 3*, *American Educator*, Spring 2003.

[4] В январе 2007 г. Princeton объявил, что замораживает на один год стоимость обучения — решение, носящее скорее символический, чем практический характер, поскольку оно сопровождалось почти 20%-ным повышением стоимости проживания и питания. И хотя это решение сделает Princeton чуть более доступным для его (преимущественно состоятельных) студентов, оно может иметь и отрицательные последствия, поскольку у менее богатых вузов появится искушение последовать этому примеру. Доходы институтов от платы за обучение (tuition revenue) — это главный источник субсидирования студентов, нуждающихся в финансовой помощи, и замораживание этой платы увеличивает зависимость от пожертвований, использование которых затрудняется тем, что они зачастую бывают предназначены для других целей (см.: Scott Jaschik, *Princeton Freezes Tuition*,

InsideHigherEd.com, January 22, 2007, and David W. Breneman, "What Princeton Tuition Freeze Means — and Doesn't Mean, InsideHigherEd.com, January 29, 2007).

[5] См.: Campus Revolutionary, *Business Week*, February 27, 2006. Достойная восхищения инициатива господина Маркса требует устрашающих затрат (он оценивает в миллион долларов сумму пожертвований, необходимых для поддержания каждого студента, проходящего полный курс обучения) и, как это ни парадоксально, угрожает испортить репутацию колледжа. Деятельность Amherst по привлечению малоимущих студентов, которые скорее всего имеют низкие показатели по SAT, может привести к снижению его рейтинга в списках, регулярно публикующихся в таких широко читаемых изданиях, как *U.S. News and World Report*.

[6] Программы по раннему зачислению для участия в конкурсе на поступление в вузы создают благоприятные условия для учащихся частных или богатых пригородных школ, пользующихся услугами опытных советников, лоббирующих интересы своих кандидатов в элитных колледжах, и поскольку для того чтобы раньше подать заявление, требуется решимость поступить именно в данный колледж (при условии допущения к конкурсу), такие соискатели не могут сравнить финансовую помощь, предлагаемую различными вузами, — важный фактор для малоимущих студентов. Колледжи склонны отрицать, что практика ранней подачи заявлений благоприятна для богатых, но когда исполняющий обязанности президента Гарварда Дерек Бок объявил, что Гарвард закроет свою программу ранней подачи заявлений, он признал, что «как показал опыт, существующая процедура благоприятна для тех, кто и без того находится в более выгодном положении» (см.: *Alan Finder and Karen W. Arenson, Harvard Ends Early Admission, Citing Barrier to Disadvantaged, The New York Times, September 12, 2006*).

[7] Основываясь на цифровых оценках преимуществ, которыми в настоящее время пользуются (в порядке убывания) рекрутируемые спортсмены, расовые меньшинства, кандидаты по программам раннего зачисления и «наследники» (дети выпускников), Боуэн предлагает дать соискателям из семей с низкими доходами преимущества, которые примерно соответствовали бы льготам «наследников».

[8] Должен сказать, что Голден учился у меня в Гарварде около 30 лет тому назад; это был студент, которого я уважал и которым восхищался.

[9] Этот рейтинг поступлений до сих пор почти втрое превышает рейтинг кандидатов, не относящихся к числу «наследников». Поскольку дети выпускников Йеля, как правило, имеют хорошую академическую подготовку, сравнение с общими показателями ни о чем не говорит.

[10] Голден также восхищается деятельностью Cooper Union в г. Нью-Йорке, элитной художественной школы, где не взимается плата за обучение, и Berea College в штате Кентукки (Appalachian

region of Kentucky), колледжа свободных искусств, основанного священником-аболиционистом, который также не взимает плату за обучение и принимает только тех студентов, которые первыми в семье получают высшее образование. Вереа компенсирует некоторые затраты, требуя, чтобы студенты участвовали в работах по благоустройству кампуса и занимались менеджментом. Обе эти школы — прекрасные институты, но свойственные им принципы отбора и осознание своей миссии настолько специфичны, что другим институтам было бы трудно, если не невозможно, воспользоваться их опытом.

[11] Например, в 2004 г. студенты из семей, зарабатывающих свыше \$100,000, имели средний комбинированный показатель по SAT 1115, в то время как студенты из семей, зарабатывающих между \$30,000 и \$40,000, имели соответствующий комбинированный показатель 960 (см.: *Bowen et al. Equality and Excellence in Higher Education, p. 82, and Walter Benn Michaels, The Trouble With Diversity, p. 98*).

[12] История приемных квот для евреев, например, которые считались тогда особой расой, рассказана с выразительными деталями в: *Jerome Karabel, The Chosen: The Hidden History of Admission and Exclusion at Harvard, Yale, and Princeton (Houghton Mifflin, 2005)*. Голден ссылается на анекдотические случаи и несообразности при тестировании с целью доказать, что в элитных частных колледжах в настоящее время действует система квот для студентов азиатского происхождения, которых он называет новыми евреями.

[13] Майклс прослеживает историю этого перехода от расы к культуре в своем более раннем исследовании: *Our America: Nativism, Modernism, and Pluralism (Duke University Press, 1995)*. В данной книге он не упоминает о том, что программа аффирмативных действий была отвергнута на недавних референдумах в таких штатах, как California и Michigan, где было запрещено принимать во внимание расовые соображения при приеме в государственные университеты. Отвергая высказанное Голденом предположение о том, что элитные университеты накладывают жесткие ограничения на количество принимаемых «азиаамериканцев», Майклс не дает ответа на вопрос, действуют ли эти квоты de facto.

[14] Michael Berub_, What's Liberal about the Liberal Arts?: Classroom Politics and «Bias» in Higher Education (Norton, 2006), p. 93.

[15] Раса до сих пор имеет значение. Студенты колледжей афроамериканского происхождения учатся намного хуже, чем предсказывали их показатели по SAT, и «степень их неуспеваемости возрастает по мере роста показателей по SAT». См.: *Douglas S. Massey, Camille Z. Charles, Garvey F. Lundy, and Mary J. Fischer, The Source of the River: The Social Origins of Freshmen at America's Selective Colleges and Universities (Princeton University Press, 2003)*, p. 16. Эта тенденция свидетельствует о разрыве между способностями и достижениями, для объяснения которо-

го прибегают к таким понятиям, как «стереотип уязвимости — стремление избежать выполнения сложных заданий, проистекающее из страха, в случае неудачи, подтвердить негативный стереотип интеллектуальной неполноценности представителей меньшинств» (р. 206).

[16] Mary Ann Mason и Marc Goulden, проанализировавшие эту проблему в книге *Marriage and Baby Blues: Re-defining Gender Equity in the Academy, Annals of the American Academy of Political and Social Science, Vol. 596 (November, 2004)*, находят мало свидетельств систематической дискриминации женщин в академической сфере, но они обнаружили «заниженные показатели по вступлению в брак и деторождению» у женщин, получивших постоянную должность (tenure), и признаки раннего старения среди женщин, стремящихся получить tenure, но вышедших замуж и воспитывающих детей.

[17] Andrew Delbanco, Where Is the Faculty in the Admissions Debates? InsideHigherEd.com, October 12, 2006.

[18] Eliot цитируется в: *Deborah L. Rhode, In Pursuit of Knowledge: Scholars, Status, and Academic Culture (Stanford University Press, 2006)*, p. 16; см. также: *Clark Kerr, The Uses of the University (1963; Harvard University Press, 1995)*, p. 15.

[19] См.: Karabel, *The Chosen*, особенно главы 3 и 4.

[20] История системы SAT рассказана в: Nicholas Lemann, *The Big Test: The Secret History of the American Meritocracy (Farrar, Straus and Giroux, 1999)*.

[21] В дополнение к книгам, перечисленным в начале данной статьи, назову некоторые другие образчики этого жанра: *Nannerl O. Keohane, Higher Ground: Ethics and Leadership in the Modern University (Duke University Press, 2006)*; *A Larger Sense of Purpose: Higher Education and Society (Princeton University Press, 2005)* бывшего президента University of Michigan и Princeton Гарольда Т. Шапиро (Harold T. Shapiro) и *The Work of the University (Yale University Press, 2003)* нынешнего президента Yale Ричарда С. Левина (Richard C. Levin).

[22] Боуэн развивает свою мысль в: *James L. Shulman and William G. Bowen, The Game of Life: College Sports and Educational Values (Princeton University Press, 2001)*.

[23] William Chace, A Little Learning Is an Expensive Thing, *The New York Times*, September 5, 2006. В академических мемуарах Чейса *100 Semesters: My Adventures as Student, Professor, and University President, and What I Learned Along the Way (Princeton University Press, 2006)* зафиксирован процесс укрепления автора в мысли, что, будучи профессором английской литературы, он стал не более чем «музейным экскурсоводом» (museum docent), проводящим со студентами экскурсии по галереям с тем, чтобы им было о чем поболтать.

[24] Проведенные недавно исследования оценок студентами преподавателей обнаружили следующие тенденции: студенты склонны давать хорошие отзывы о «преподавателях-мужчинах, у

которых легко сдать экзамен и которые хорошо выглядят»; хуже отзывы о преподавателях-женщинах и преподавателях, родившихся за пределами США.

Масштабное исследование такого рода, проведенное в Ohio State University, показывает «отсутствие корреляции между оценкой профессора и реально происходящим процессом обучения». См.: InsideHigherEd.com, January 29, 2007.